

А.А. Зимин

Реформы Ивана Грозного

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Зимин**
Реформы Ивана Грозного / А.А. Зимин – М.: Книга по Требованию, 2012. –
516 с.

ISBN 978-5-458-27514-9

Книга посвящена истории России в 30-50-е гг. XVI в. Особое внимание
уделено деятельности т. н. "Избранной рады".

ISBN 978-5-458-27514-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

место в феодальной среде и устами своих идеологов заявлял о своих требованиях, с которыми вынуждены были считаться и боярская аристократия, и духовные феодалы.

В обстановке широкой волны народных движений представители различных прослоек класса феодалов вынуждены были на время прекратить распри и консолидировать свои усилия, с тем чтобы укрепить свое господство над массами непосредственных производителей.

Перед исследователем реформ правительства Ивана Грозного середины XVI в. встает целый ряд важных задач. Необходимо вскрыть классовую направленность государственных преобразований 50-х годов XVI в., выяснить, в чьих интересах были проведены политические и социальные реформы того времени.

В литературе до настоящего времени ясности по этому вопросу нет. В последней, вышедшей совсем недавно монографии И. И. Смирнова о политической истории России 30—50-х годов XVI в. подчеркивается чисто дворянский характер правительственных мероприятий середины XVI в., тогда как в трудах С. В. Бахрушина и некоторых других советских историков говорится о компромиссном характере реформ, проведенных в интересах господствующего класса в целом. Для решения этой центральной проблемы следует конкретно изучить ход правительственных преобразований в различных областях жизни — судебную, административную, военную и финансовую реформы. Нужно показать связь реформ Избранной рады с напряженной классовой борьбой того времени, а также с перипетиями борьбы внутри господствующего класса. Без понимания сдвигов в социально-экономической и политической жизни России середины XVI в. нельзя разобраться в сложном узле противоречий, приведших в конечном счете к учреждению опричнины.

Таков круг проблем, которые являются предметом рассмотрения в настоящей работе. При этом совершенно естественно, что в рамках одной книги невозможно более или менее равномерно и углубленно рассмотреть все вопросы, касающиеся истории Русского централизованного государства. За пределами данной

книги остается история общественно-политической мысли, которой автор посвятил особое исследование, а также внешняя политика России середины XVI в., изученная в трудах Е. Н. Кушевой, Г. А. Новицкого, С. О. Шмидта и других советских историков. Сложные процессы социально-экономического развития в русском городе и деревне рассматриваются лишь в той мере, в какой позволяют выяснить причины роста классовых противоречий и предпосылки общественно-политических преобразований 50-х годов XVI в. Поэтому главы вторая и третья книги в известной мере носят итоговый характер, суммируют результаты наблюдений виднейших советских ученых — С. В. Бахрушина, С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, П. П. Смирнова, М. Н. Тихомирова и других, много сделавших для изучения экономических и социальных отношений XVI в.

В дальнейшем изложении автор считал необходимым останавливать внимание читателя на важнейших моментах истории Русского централизованного государства середины XVI в., особенно на малоизученных или тех, трактовка которых остается спорной.

Настоящая монография представляет собою первую часть задуманного автором исследования по истории России времен правления Ивана Грозного. В дальнейшем автор предполагает подготовить к изданию книгу, посвященную опричнине Ивана Грозного.

* *

*

Большую товарищескую помощь автору оказали в подготовке рукописи к изданию И. В. Ледовская, К. В. Миронова, В. М. Покровская, Н. Я. Трофимова, В. Г. Шерстобитова, Л. И. Ивина, которым автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность.

Иллюстрации подобраны Н. А. Баклановой.

Указатели составлены И. В. Ледовской.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Дореволюционная историография

Первую развернутую оценку событиям политической жизни России середины XVI в. дали в своих сочинениях Иван Грозный и Андрей Курбский. Страстная полемика этих двух виднейших политических деятелей своего времени, остро чувствовавших и зорко всматривавшихся в российскую действительность, оказала сильнейшее воздействие на всю последующую историографию. При этом позднейшие историки не всегда давали себе отчет в том, что пристрастные суждения обоих публицистов рождены были суровой обстановкой опричных лет, которая расцветивала различными и порой причудливыми красками воспоминания прежних соратников по борьбе за сильное и единое государство.

Говоря, что русские самодержцы «изначаяла сами владеют своими государьствами, а не бояре и не вельможи», Иван Грозный в первом послании Курбскому (1564 г.) подвергает язвительной критике всю совокупность мероприятий, осуществлявшихся правительством 50-х годов XVI в. Оказывается, поп Сильвестр и Алексей Адашев лукавством и чародейством на время подчинили своей власти царя. Таков тот несложный прием, применяя который Грозный пытается снять с себя ответственность за преобразования 50-х годов XVI в.¹ Мало того, бояре, виновные во всех злодеяниях, творившихся в малолетство царя, «наустиша народ» во время московского восстания 1547 г. Когда пришли к власти Сильвестр и Адашев, то и они «всех бояр начаша в самовольство приводити». Царь негодует, что правители раздавали вотчины, «ветру подобно», ставили своих «угодников» на государственные должности, «все строения» проводили «по своей воле»². Сторонник самодержавия, отвечавшего в целом дворянским интересам, Иван Грозный выступал против всяких попыток ограничения царской власти.

Совершенно иную картину рисует Курбский в своей «Истории о великом князе московском», написанной к лету 1573 г., когда стоял вопрос о кандидатуре Ивана на польский престол. Беспросветному мраку, террору «кромешников», бессмысленному «мародерству» периода опричнины Курбский картинно противопоставляет идиллически лучезарное время правления Избранной рады. Это название правительственного кружка (полонизированный вариант Ближней думы) позднее широко вошло в научный обиход. Князь Андрей отнюдь не защитник боярского самовольства, как такового. Недвусмысленно осуждая боярских правителей «несовершенных лет» царя, он вместе с другими дальновидными представителями боярства склонен был идти на компромисс с дворянством в целях укрепления централизованного аппарата власти. Его идеал — Избранная рада во главе с Ада-

¹ «Послания Ивана Грозного», подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 14—16, 36.

² Там же, стр. 37, 39—40.

шевым и Сильвестром и их «разумными советниками». «Суд праведный» (т. е. Судебник 1550 г.), устройство «стратилатских чинов» (военные преобразования), присоединение Казани — вот те стороны деятельности правительств 50-х годов, горячим сторонником которых выступает Курбский¹. Начало заката Рады публицист связывает с 1553 г., когда Иван Грозный побывал у «предукавого осифлянина» Вассиана Топоркова, нашептавшего царю, чтобы тот не держал около себя «советника ни единого мудрейшего себя, понеже сам еси всех лутчи». Окончательно были устранены от власти Адашев и Сильвестр уже после смерти Анастасии, в 1560 г., когда их обвинили в «очаровании» и в убийстве царицы².

После того как отгремели битвы с иноземными полчищами, налетевшими с запада и севера на Русь в начале XVII в., после того как были подавлены основные очаги крестьянской войны, современники попытались найти ответ на волновавший всех вопрос о причинах «смутного времени». И совершенно понятно, что их взоры обратились к годам правления царя Ивана Васильевича, когда завязывались те узлы противоречий, которые остро проявились в их время.

Официальную трактовку правления Избранной рады дает Хронограф 1617 г., сложившийся в кругу деятелей Посольского приказа. В этом памятнике царствование Ивана Грозного резко делится на две половины: до и после смерти царицы Анастасии Романовой. Проромановский привкус оценки событий в Хронографе сочетался с вельможно-боярской ее сущностью. Если для Курбского смерть Анастасии была лишь внешним поводом, положившим конец правлению Избранной рады, то по Хронографу Анастасия наставляла царя «на всякия добродетели», а потому ее смерть оказала самое решающее воздействие на исторические судьбы России. Потеряв столь «мудрую» супругу, верную опору в жизненных бурях, царь «нача сокрушати от сродства своего многих,

¹ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XXXI. СПб., 1914, стб. 172 и след.

² Там же, стб. 212, 259—260.

также и от велмож синклитства своего». В Хронографе при рассказе о событиях 50-х годов XVI в. главным образом подчеркиваются воинские подвиги Ивана IV, его благочестие и мудрость.

Панегирик деятельности Адашеву содержит так называемый Пискаревский Летописец, составленный в первой четверти XVII в. Период фавора Адашева («как он был во времена») автор считает временем расцвета страны: «в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе». Начало всех бед, постигших Русскую землю, летописец связывает с учреждением опричнины и с опалой Адашева¹. Заслугу Адашева и Сильвестра автор Пискаревского Летописца видит в том, что они упорядочили судопроизводство, ведали приемом челобитий и боролись с судебной волокитой бояр.

По весьма правдоподобной гипотезе М. Н. Тихомирова, автора сведений середины XVI в. Пискаревского Летописца следует искать в среде, близкой к Шуйским и враждебной к Романовым (которым летописец вменяет в вину учреждение опричнины)². Если это так, то и апология деятельности Адашева понятна: Адашев пришел к власти после того, как Шуйским в ходе восстания 1547 г. удалось отстранить от дел родичей молодого царя Ивана — Глинских.

Если у писателей XVI — начала XVII в. события середины XVI столетия проходили перед глазами или волновали их воображение в рассказах очевидцев, то уже в начале XVIII в. Иван IV был в полной мере героем исторического повествования. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» создал законченную схему русского исторического процесса, альфой и омегой которого было русское самодержавие, воплощавшееся в мудрой деятельности монархов. Время правления Ивана IV должно было, по его представлению, включаться в четвертую часть истории России, начинающуюся княже-

¹ «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955, стр. 56.

² М. Н. Тихомиров. Пискаревский Летописец, как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. («История СССР», 1957, № 3, стр. 112—122).

нием Ивана III, который «прежде падшую монархию восставил»¹. Иван IV, продолжая деятельность своего деда и отца, привел монархию «в лучшее состояние»². Для Татищева Иван IV был одним из идеальных монархов. Он «Казань и Астрахань себе покорил... и естли бы ему некоторых беспутных вельмож бунты и измены не воспрепятствовали, то бы, конечно, не трудно ему было завоеванную Ливонию и часть немалую Литвы удержать»³. Современник победоносной Северной войны, Татищев обращал внимание читателя на то, что вопрос о присоединении Прибалтики встал еще во время войны Ивана IV за Ливонию.

К сожалению, изложение истории России XVI в. не было доведено Татищевым до конца и осталось в виде предварительных материалов, не вполне обработанных автором. В основу своего рассказа он положил конспективное изложение текста Львовской летописи, внеся в нее только небольшие изменения. Очень интересна лишь вставка под 1544 г. об издании Судебника (1550 г.), которое Татищев объяснял тем, что великий князь стремился искоренить «в судах неправды и грабления», для чего собрал «от городов добрых по человеку» и Боярскую думу (т. е. Земский собор). Усилил Татищев и оценку боярского мятежа 1553 г., введя характеристику бояр как отступивших «от правды»⁴.

Очень интересовал В. Н. Татищева, занимавшегося более 15 лет изучением и подготовкой к печати «древних законов», Судебник 1550 г.⁵ Тщательно выполненный комментарий к Судебнику дает прекрасный образец рационалистической критики исторических источников.

¹ В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. 2, М., 1769, стр. 541.

² В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ, М., 1887, стр. 138, ср. стр. 100—101.

³ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 2., стр. 544.

⁴ Подробнее см. А. И. Копанев, Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву («Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР», т. II, М.—Л., 1955, стр. 233—240).

⁵ А. И. Андреев, Примечания В. Н. Татищева к «древним русским законам» («Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 262).

Здесь мы находим и объяснение терминов («боярин», «окольничий» и др.), для чего привлекаются различные дополнительные материалы; перевод и истолкования неясных оборотов. В комментарии к статье о крестьянском отказе В. Н. Татищев «выступает с рассуждениями в защиту крепостничества»¹.

Различные оценки деятельности Ивана Грозного, а именно к ней тогда сводили важнейшие перемены в истории России XVI столетия, впервые в историографии непосредственно столкнулись друг с другом в конце XVIII в.

Представитель вельможной аристократии князь М. М. Щербатов дал противоречивую характеристику времени правления Ивана IV, выделяя этот период в особый (пятый) том своей «Истории Российской». Середина XVI в. рассматривается автором в первой части тома (от вступления на престол Ивана IV до присоединения Астрахани). Щербатов высоко оценивает стремление Ивана Грозного укрепить самодержавие. Он осуждает «беспорядки», происходившие в малолетство царя «от распри и злобы боярской»². Царь Иван, по его мнению, имел дальновидный разум, достиг крупных внешнеполитических успехов и ввел справедливое законодательство³. Но, как бы продолжая линию Андрея Курбского, Щербатов считал, что самодержавная власть должна считаться с требованиями аристократии и с законностью, «ибо всякие законы суть лучше, нежели самовластно употребляемые обычаи». Он, в частности, подчеркивал, что Иван IV сочинил Судебник «не самовластием своим», а созвав родичей и бояр⁴. Смысл ограничения местничества Щербатов усматривал не в ущемлении прав княжат, а в стремлении царя «привести молодых людей к повиновению чиновным людям»⁵. Он оправдывал деятель-

¹ Л. В. Черепнин, Русская историография до XIX века, М., 1957, стр. 183.

² М. М. Щербатов, История Российская от древнейших времен, т. V, ч. 1, СПб., 1786, стр. 454.

³ М. М. Щербатов, указ. соч., т. V, ч. 3, СПб., 1789, стр. 217, 219.

⁴ М. М. Щербатов, указ. соч., т. V, ч. 1, стр. 246—247.

⁵ Там же, стр. 250.

ность бояр в 1553 г., которые, «яко рожденные советники царские и блюстители престола», выдвигая кандидатуру князя Владимира Старицкого, хотели избежать повторения распрей, происходивших в малолетство царя. Казни и ужасы периода опричнины Щербатов объясняет непомерным честолюбием царя Ивана и «низостью его сердца»¹.

Безоговорочно позитивную оценку деятельности Ивана Грозного дал дворянский историк И. Н. Болтин, который резко выступил против исторической концепции Щербатова. Впервые в русской историографии Болтин сравнил Ивана IV с французским королем Людовиком XI². У Болтина, защитника абсолютной власти монарха, положительное содержание мероприятий Грозного сводится к уничтожению «самодержавных владений» вельмож, присоединению обширных владений, введению единого судопроизводства — Судебника 1550 г.³

Взгляды Н. М. Карамзина (1766—1820 гг.) на русский исторический процесс складывались в обстановке растущего крестьянского движения и представляли собою попытку обосновать необходимость для России крепкой самодержавной власти, как надежной опоры дворянства. Россия, по мнению Карамзина, всегда спасалась «мудрым самодержавием». Но если «без монарха — нет дворянства», то и «без дворянства — нет монарха»⁴. С этих консервативно-охранительных позиций он и подходил к оценке событий XVI в. Для него история России сводится прежде всего к истории самодержавия, воплощенного в деяниях монархов. Примыкая по своим основным оценкам деятельности Ивана IV к Щербатову, Карамзин облакает их в такую образную и эмоционально убедительную форму, что они долгие годы продолжали влиять на умы многих историков и литераторов.

¹ М. М. Щербатов, указ. соч., т. V, ч. 3, стр. 222.

² См. И. У. Бударниц, Иван Грозный в русской исторической литературе («Исторические записки», кн. 21, 1947, стр. 279).

³ И. Болтин, Примечания на историю древняя и нынешняя России Леклерка, т. I, 1788, стр. 307, 308—310, 313—320; т. II, стр. 439.

⁴ Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 10, 47, 127.

У Карамзина более четко, чем у Щербатова, изложена мысль, встречающаяся еще в Хронографе 1617 г. и лишь отчасти у Курбского, о делении времени правления Ивана Грозного на два периода: до и после смерти Анастасии Романовой. После борьбы властолюбивых бояр Шуйских, правление которых было наполнено всевозможными беззакониями, с князем Бельским, отличавшимся человеколюбием и справедливостью, после боярского мятежа 1547 г. началась «эпоха Иоанновой славы» — ко власти пришли «смиранный иерей» Сильвестр и «прекрасный молодой человек» Адашев, которые не жалели своих сил ради пользы отечества: «мудрая умеренность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти»¹. Судебник 1550 г., ограничение местничества, Стоглав, присоединение Казани — вот неполный перечень тех славных деяний, которые совершены были в эти счастливые дни Иоанна да и всей России. Затем, по смерти Анастасии, когда Иван Грозный лишился «не только супруги, но и добродетели», началась мрачная пора в русской истории. Как и Щербатов, Карамзин рисует «загадочный образ» Ивана Грозного, в котором сочетались страсти «неистового кровопийцы» и недюжинные способности государственного преобразователя.

Но карамзинская концепция уже в начале XIX в. вызвала к себе настороженное отношение представителей нарождающейся буржуазной историографии. Так, Н. С. Арцыбашев, подвергнув критике источниковедческую базу Карамзина (его излишнее доверие к сказаниям иностранцев и к сочинениям князя Курбского)², писал, что Иван IV был вынужден прибегнуть «к излишней строгости» для обуздания своевольных бояр и их поборников. Бояре были «причиною слабостей государя, бессмертия достойного»³.

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. 2, т. VIII, СПб., 1842, стб. 33, 43—45, 47—48, 63, 66.

² См. Н. Арцыбашев, О степени доверия к Истории, сочиненной князем Курбским («Вестник Европы», ч. 118, № 12, М., 1821, стр. 278—294).

³ Н. Арцыбашев, О свойствах царя Иоанна Васильевича («Вестник Европы», ч. 120, № 18, 1821, стр. 135; № 19, стр. 191).